

**ГЕНДЕРНЫЕ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ / ПОД РЕД. Е. ГАПОВОЙ,
А. УСМАНОВОЙ, А. ПЕТО. МИНСК: ЕГУ,
2002. — 416 с.**

Сборник «Гендерные истории Восточной Европы» задумывался как своеобразное продолжение международной конференции «От Истории к истории: женская и гендерная история в странах переходного периода», организованной в сентябре 1999 г. в Минске Центром гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. Эта конференция привлекла более 60 исследовательниц и исследователей из 19 стран мира.

Гендерная история получила широкое распространение во многих странах мира. Особенно динамично «возвращение женщин истории и истории женщинам» происходило в Европе и Америке. Особенности нового направления являются смещение старых и расстановка новых акцентов в истории общества. При этом изучаются экономические и социальные условия, ограничивающие возможности приобрести широкую известность в области публичной политики для женщин; делается попытка «открыть», вернее, «вспомнить» малоизвестных великих женщин. Кроме того — и это один из самых важных моментов — происходит переосмысление самой истории как научной дисциплины. Сомнению подвергаются категории «историческая объективность», «исторический факт», «важное историческое событие», пересматриваются основания для периодизации истории и т. д.

Большинство белорусских историков (мне эта ситуация кажется типичной и для других стран бывшего Советского Союза) не знакомы не только с принципами и идеями нового «деконструктивистского» подхода, но и с самим термином «гендер». Не осмыслен ими и специфический социальный опыт Восточно-европейских стран. Рецензируемый сборник в определенной степени восполняет этот пробел. По мнению Е. Гаповой, основной задачей «Гендерных историй Восточной Европы» является анализ «результатов двадцатилетнего развития гендерной истории и той роли, которую это направление сыграло как в изменении парадигмы исторического познания, так и в стимулировании гендерных исследований в целом; осуществить сравнительный анализ исторического положения женщин и форм их деятельности в контексте Западной и Восточной Европы; ...привлечь внимание ...к историческим и национальным особенностям процессов социального и культурного конструирования как мужского, так и женского пола»¹.

¹ Гапова Е. Деятельность Центра // Бюллетень Центра гендерных исследований ЕГУ. 1999. Сентябрь. С. 2.

Основные идеи книги представлены Е. Гаповой и А. Усмановой в статье «Размышления на темы географии и истории». Авторы рассматривают Восточную Европу не как территорию, а как «идею». Они имеют в виду идею региона, который заново себя артикулирует, пытается себя осознать и осмысливается другими; идею, имеющую свою историю, идеологию, традицию моделирования и означивания в соотнесении с политико-экономическими интересами тех, кто ее провозглашает. Проблемы географии редакторы связывают с проблемами истории и ставят вопрос о формах и условиях существования знания, о праве высказывать свое мнение для тех, кто находится «вне доминирующей позиции на поле символического господства» (с. 7). Размышляя над известным вопросом Г. Спивак «Могут ли угнетенные говорить?», исследовательницы акцентируют связь между полом — то есть позицией в иерархии угнетения, — властью и возможностью говорить публично. Собственно говоря, сам сборник является одним из доказательств широких возможностей говорить публично от имени угнетенных женщин. Особенно интересны топика и стилистика гендерно нагруженной речи.

Сначала о топике. Двадцать семь статей распределены по девяти темам. Первая тема касается вопросов соотношения статусов, принципов «женской истории», а также методологии исследований. К. Оффен, размышляя о будущем, рассматривает ряд важных для «женской истории» вопросов. Доказывается, что история женщин существует как таковая, а не как раздел традиционной всеобщей истории, что гендерная история отличается от истории женской (понятно, что гендер это не пол), что дисциплинарный статус гендерной истории не имеет ничего общего с дисциплинарным статусом «мэйнстрима». Альтернативный характер гендерной истории находит выражение в форсировании проблемы угнетения женщин в слабо развитых регионах. В статье А. Пето указываются особенности «женской истории» в странах Восточной Европы: недостаток феминистской литературы об этом регионе, негативное отношение к феминисткам и т. д. Автор предлагает избавиться от национальных мифов и ориентации на национальную историю. Аналогичным образом в раннем марксизме утверждалось, что пролетариат не имеет национальности. В то же время А. Пето пишет, что пока «феминистские историки не будут обращать должного внимания на исследование национальных историй, их труд останется недоступным большей части человечества» (с. 28).

В статье А. Усмановой «“Визуальный поворот” и гендерная история» доказывается, что новой модели познания необходимы новые, отвечающие ее целям и задачам способы репрезентации. Иными словами, своеобразие «женской истории» обнаруживается не только в ее тематике, но и в способе выражения. Вероятно, следуя традиции «лингвистического поворота», автор предлагает «визуальный поворот», связанный с необходимостью для гендерной историографии

избежать «репрессии со стороны Буквы», которой присущи сексизм, традиционность и вытесняющий характер. Удивительно, что хотя А. Усманова предлагает избавиться от букв и письменной истории, эта мысль излагается буквами. В качестве альтернативы письменной истории автор называет визуальные медиа. По ее мнению, «визуальная история» позволяет «исследовать статус и роль женщины в ту или иную историческую эпоху во всем многообразии способов репрезентации женского опыта и ментальных установок во всей их противоречивости, вскрыть специфику представления о женщине в недрах коллективного бессознательного (патриархального) общества, провести сравнительный анализ визуальной репрезентации мужчин и женщин той или иной эпохи» (с. 50). Практическое применение вышеизложенных идей А. Усманова демонстрирует на примере фильма «Третья Мещанская».

В статьях Р. Ратчилд, К. Даскаловой и Н. Новиковой рассматривается история феминистского движения в Восточной Европе. Р. Ратчилд приводит интересные сведения об истории «Всероссийского союза равноправия женщин» (1905–1914 гг.); в других статьях раздела обсуждаются преимущественно самоидентификация и предназначение женщин в общественно-политической борьбе.

Следующая тема сборника — взаимовлияние двух сконструированных сообществ: гендера и нации. В соответствующем разделе представлены три исследования: «Между войнами: женский вопрос и национальные проекты в Советской Белоруссии и Западной Беларуси» Е. Гаповой, «Гендер и борьба за публичное пространство на Староместской Площади в Праге» С. Пейсис и «Социальная работа и политическая власть в переходный период: попытка сравнения» Б. Ваалдейк.

В статье С. Пейсис исследуется взаимосвязь между планировкой публичного пространства городов, политическими целями и ролью гендера в конструировании национальных символов на примере организации Староместской площади в Праге. Автор анализирует символическое значение скульптурной композиции, посвященной Яну Гусу — символу освободительной борьбы чехов, — а также Колонны Девы Марии. По мнению автора, эти национальные символы включают сильные гендерные компоненты. Их анализ поможет понять, как политические и общественные деятели представляют свою нацию и как это связано с реальными гендерными отношениями в обществе. В работе Б. Ваалдейк проводится сравнение социальной работы и политической власти в переходные для общества периоды. Автор рассматривает, как изменялись роли и значение социальных работниц в Нидерландах в военное и послевоенное время и сравнивает различные исторические подходы к изучению этих изменений; она описывает также восприятие социальными работницами себя и сферы своей деятельности.

Четвертый раздел сборника посвящен проблемам устной истории и затрагивает такие вопросы, как методология ее «собирания», конструирование и функционирование памяти, построение нарративов мужчинами и женщинами, травмирующие события и их влияние на жизнь людей. Этой тематикой объединены статьи Элы Хорнунг, Анн Рош и Мари-Клод Таранже.

Статья «Интрактивное конструирование гендера в браках во время второй мировой войны в Австрии» Э. Хорнунг базируется на нескольких основных тезисах: это, во-первых, идея Дж. Батлер о перформативном характере гендерной идентичности, постулирующая ее изменчивость во времени как для социума, так и для индивидов (с. 143). Во-вторых, это положение о том, что гендерная идентичность женщин и мужчин в супружеских отношениях конструируется в процессе взаимодействия и коммуникации (с. 144). В своей работе автор попыталась выявить, «в какой степени идентичности опрашиваемых формировались в соотношении с категорией “гендера” в зазоре между рассказанной и прожитой жизненной историей» (с. 146). Для этого Хорнунг опрашивала семейные пары, которые образовались вначале или во время второй мировой войны. Главные выводы работы касаются значимости публичной сферы для мужчин и частной сферы — для женщин, а также роли и значения желаний и фантазий в конструировании собственной идентичности и образа партнера.

В статье А. Рош и М.-К. Таранже «Жанр устной истории и гендерные исследования: женщины рассказывают о миграции» представлены результаты экспериментальной работы, которая проводилась в течение нескольких лет. Целью ее был сбор исторических, социологических, антропологических данных о жизни эмигрантов (в большинстве своем женщин) в период с 1930 по 1945 гг. Описан опыт женщин, которым по каким-либо причинам пришлось покинуть свои родные страны и переехать во Францию, и те трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Главный вывод заключается в том, что биографические методы эффективны для изучения многих сложных социальных феноменов, а в том числе и для создания истории, в которой женщины являются субъектами.

Следующий раздел книги включает в себя три статьи: «Моя дорогая и единственная»: Божена Немцова и женская дружба» Д. Франчиковой, «Повседневная жизнь гомельчанок в начале XX в.» О. Яценко и «Гендерные отношения в белорусской деревне (1921–1928)» И. Куркова. Все эти исследования имеют своей целью донести до аудитории ранее не изучавшиеся, либо не обобщавшиеся, либо не опубликованные факты. Именно поэтому вышеупомянутые статьи объединены разделом «Неизвестные страницы женской и гендерной истории». Исследование Д. Франчиковой посвящено взаимоотношениям известных женщин и их значению для написания и переосмысления женской истории. Франчикова исследует романтические отно-

шения Божены Немцовой — чешской писательницы, поэтессы и участницы патриотического движения против австрийского господства — с женщинами и их роль в ее жизни и творчестве. Франчикова предлагает свою интерпретацию некоторых довольно подробно исследованных писем Немцовой к мужчинам, а так же совершенно новый взгляд на ее переписку с женщинами (которой уделялось незначительное внимание). Переосмысление жизни и текстов Божены Немцовой, равно как и других чешских женщин, по мнению Франчиковой, может привести к более полному и глубокому пониманию места и роли женщин в чешской истории (с. 175).

Содержательной и информативно насыщенной является статья О. Яценко. Основная тема ее исследования — повседневная жизнь гомельчанок в начале XX в. Автор анализирует обширный материал (результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи, гомельские периодические источники и статистические губернские обзоры начала века, а так же ряд монографий), получив в результате как данные, которыми оперирует традиционная историческая наука (количественный, этнический, социальный состав женского населения в Гомеле в исследуемый период времени), так и данные, которые традиционно не считались исторически значимыми, касающиеся повседневной жизни жителей Гомеля (особенно женщин). Статья содержит, например, информацию об общем виде города, о его восприятии горожанками, о важных для жителей событиях, формах досуга женщин разных сословий, их профессиональных возможностях, доступности товаров «для женщин» и способах их приобретения и т. д.

Особый интерес представляет статья И. Куркова, который сосредоточил свое внимание на специфике развития гендерных отношений в белорусской деревне. Интересующий автора период (1921–1928 гг.) характеризуется радикальной трансформацией основных принципов политики в отношении крестьянства (от НЭПа до форсированной коллективизации). Используя обширный архивный материал, Курков анализирует процесс решения «женского вопроса» в советской белорусской деревне времен НЭПа.

Одним из центральных моментов в данной статье является исследование деятельности женсоветов, их роли и значения, а также причины их закрытия. В совершенно новом ракурсе представлена политическая активность крестьян, вернее, крестьянок. Благодаря проведенному исследованию становятся видимыми значение и результаты деятельности крестьянок-общественниц и те трудности, с которыми женщинам приходилось сталкиваться. Как справедливо отмечает Курков, хотя «в учебниках по истории Беларуси содержится немало сведений о классовой борьбе в деревне, при этом ничего не сообщается о борьбе мужей с женами-общественницами, говорится о “возросшей активности масс”, но не уточняется, что формы проявления

активности крестьянок серьезно беспокоили руководство компартии» (с. 208).

Седьмой раздел «Гендерных историй...» посвящен тем социальным группам, которые маркируются как «униженные и оскорбленные» (что часто означает оправдание или обоснование их маргинализации) и зачастую несут двойную ношу негативного отношения к себе. Статья З. Мржевич «Цыгане Сербии: этнография насилия» представляет собой эмоционально окрашенное описание жизни сербских цыган и отношения к ним других социальных групп. Используя свой опыт работы волонтером горячей линии SOS, а также материалы, полученные в ходе интервьюирования цыган, Мржевич показывает не только ужасные условия их существования, вызванные постоянной дискриминацией, но и причины, которые не позволяют большинству из них изменить свою жизнь. Еще более плачевным, по мнению автора, является положение цыганских женщин, подвергающихся двойному угнетению: по этническому и половому признаку. Цыганки должны не только выполнять работу по дому и заботиться о детях и муже, но и содержать их. Кроме того, большинство цыганских женщин с ранних лет подвергаются систематическому насилию со стороны мужей, отцов, братьев.

В работе Д. Хютхер «“Непристойность женщин” и “низость евреев”»: нищета в описаниях Берлина и Галиции в XIX в.» исследуются способы «оформления» дискурсов о необходимости проведения реформ, а также значение и роль в этих дискурсах женских образов и образов евреев на примере Берлина и Галиции. Литературное описание нищеты рассматривается автором как дискурсивная стратегия в легитимации определенного общественного порядка. Так, например, нищета в Берлине была представлена женскими образами (несчастной матери или развратной молодой женщины), тогда как нищета в Галиции ассоциировалась с «грязью» и «убожеством» евреев. Использование «женщин» и «евреев», по мысли Хютхер, служило одним и тем же целям: созданию дистанции между теми, кто судит, и теми, кого судят; оправданию вмешательства в жизнь тех, кто маркирован как «непродуктивный». Кроме того, эти образы использовались и для принуждения к проведению реформ, причем с одновременным определением компетентных для исполнения модернизационных проектов групп.

Исследование С. Рогач и С. Шимуковича («Секс-торговля: столетняя традиция?») показывает, что хотя сегодня среди главных причин этого широко распространившегося явления называют процесс глобализации, экономический кризис и тому подобные «сбои» современной мировой системы, торговля живым товаром существует уже давно. Еще на рубеже XIX–XX вв. многие правовые и общественные организации пытались решать эту проблему. Описывая меры, предпринимаемые против секс-торговли, исследователи констатируют их

низкую эффективность. Одновременно они называют ряд необходимых для борьбы условий, общая идея которых сводится к изменению отношений власти и подчинения между полами.

«Гендер и война: вспоминая о разном» — тема следующего блока статей, представленного работами Б. Эпштейн, Б. Эйнхорн и С. Мешковой. Б. Эпштейн («Возвращение в Восточную Германию: гендерно маркированный и еврейский опыт») сосредоточила свое внимание на движении Сопротивления в гетто Вильнюса и Каунаса, и прежде всего, на участии в нем женщин. Автор исследует ряд проблем: откуда произошло Сопротивление, какова была роль женщин в развитии этого движения, как гендерная идентичность влияла на решение присоединиться к движению, почему участие женщин в Сопротивлении было столь массовым и т. д. Основываясь преимущественно на устных историях участниц движения Сопротивления, Эпштейн приходит к заключению, что женщины играли довольно значительную роль в развитии подпольного движения в гетто. Возможность их массового участия обуславливалась как готовностью самих женщин заниматься этой деятельностью, так и готовностью мужчин принимать их в этой роли, что было связано, по мнению Эпштейн, с подвижностью гендерных ролей среди восточноевропейских евреев. Последнее обусловлено тем, что подполье в гетто стало преемником довоенных молодежных организаций (в основном левого толка), преимущественно состоявших из представителей студенчества — среды, где существовало относительное равенство. Б. Эйнхорн так же строит свое исследование («Возвращение в Восточную Германию: гендерно маркированный и еврейский опыт») на устных историях еврейских женщин, но посвященных возвращению еврейских семей в восточную Германию после второй мировой войны. В данной работе рассматриваются, прежде всего, «взаимосвязь личного и политического в процессе формирования идентичности на фоне политических и социальных сдвигов в Европе середины XX века, ... каким образом эти...изменения повлияли на жизни людей» (с. 268). Исследуются категории памяти и истории, вопросы сочетания гендерной идентичности с политической и этнической, а также различия в мотивации возвращения и особенности переоценки своего опыта мужчинами и женщинами.

С. Мешкова («Реконструкция второй мировой войны в латвийской женской мемуаристике 1990-х годов») обсуждает проблемы памяти и ее историко-культурного функционирования, рассматривает существующие тенденции анализа этих понятий, а также специфику конструирования коллективной памяти в странах бывшего Союза, в частности, виктимизацию как средство формирования идентичности. Кроме того, анализируются формы воспоминаний о войне в европейской мемуаристике предпоследнего десятилетия XX в. и в латвийской женской мемуаристике.

В восьмом разделе сборника рассмотрены проблемы, находящиеся на пересечении проблематики пола и права. Статья «Карательные практики и гендерная утопия» И. Дунаевой посвящена влиянию карательных практик (в частности телесных наказаний) на осуществление «гендерной утопии», под которой автор подразумевает романтический проект гендерных отношений, сопровождающийся духовной андрогинией, понимаемой как «идеально нормативный конструкт, задающий направление для устранения дуализма, разорванности реальности, для преодоления несовершенства мира» (с. 322). Исследуя Карские события, И. Дунаева ставит вопрос: почему столь важным и принципиальным для «политических заключенных», особенно женщин, стало применение к ним телесного наказания. Выводы, к которым приходит исследовательница, неожиданны. Введение физического воздействия представляло собой угрозу утопии социального и полового равенства: во-первых, политические заключенные низводились до статуса «обычных уголовников» (что подрывало их статус «привилегированных», но главное — равных), во-вторых, телесное наказание женщины за проступок, который карался бы смертью для мужчины (а именно с этого начались Карские события), означало дискриминацию по признаку пола. Статья «Преступления стыда и страха: женская преступность в Литве в XIX веке», написанная Р. Праспальяускене, посвящена выявлению причин детоубийства, — этого довольно широко распространенного в Литве XIX в. преступления, совершаемого в основном женщинами. Изучив довольно большое количество судебных дел, в которых содержались сведения о мотивах детоубийств, условиях их совершения, а также о социальном статусе обвиняемых и сопоставив полученные данные с их социальным контекстом, Р. Праспальяускене приходит к заключению, что последний и обуславливал выбор большинства женщин-детоубийц. Третья статья раздела «Вне закона: пол и право» затрагивает один из самых важных для феминизма вопросов — право на аборт и контроль над рождаемостью. В статье «Проклятие материнства: дискуссии о контроле рождаемости в Польше в межвоенный период (1918–1939 гг.)» анализируются течения, представляющие альтернативные точки зрения на проблемы аборта и контрацепции, и отмечается, что польское общество сегодня — как и в 20–30-годы прошлого столетия — не может достичь согласия по этим вопросам.

Последний раздел сборника «Новейшая история гендерного субъекта: ритуалы перехода» посвящен особенностям формирования и функционирования образов фемининности в странах бывшего СССР при построении ими новых независимых государств. В статьях Т. Журженко и А. Восилюте рассмотрены особенности формирования идентичности (в особенности гендерной) в обществе потребления. Т. Журженко («Идеология «свободного рынка» и постсоциалистические метаморфозы женской идентичности») пытается понять, каким

образом эта идеология способствует маргинализации женщин, а так же какие новые идентификационные модели предлагает женщинам общество потребления. А. Восилюте («Женщины и процесс потребления») концентрируется на анализе новых моделей жизни в постсоветской Литве. Она исследует процесс формирования и специфику функционирования новых женских ролей, стилей жизни и их корреляцию с потребительскими интересами. М. Рубчак («Преобразования женственности в современной Украине») рассматривает роль исторической памяти в становлении образов феминности, а также специфику и историю развития «единственного в своем роде украинского феминизма».

Книга интересна не только для специалистов по гендерной истории, но и для широкого круга читателей.

Е. Иванова,
*Европейский гуманитарный университет,
Минск, Беларусь*